

ЧАСТЬ 1

КАТАТОНИЯ

СМЕРТЬ ВО СПАСЕНИЕ

Морок опасно покачнулся и уперся ладонью в стену, опустив растерянный взгляд на Леру.

— Денис? Ты меня слышишь?..

По его лицу и волосам текла ярко-алая кровь. Тонкие струйки соединялись под ухом и продолжали путь по щетине и шее.

— Я... — Его повело, и Лера под тяжестью мужского тела непременно упала бы, но позади Дениса вовремя возник подхвативший его Макс. Пики, всхлипывая, сползла по стене и усталилась на Андрея.

Его лицо было блее пачки офисной бумаги. Давыдов-младший продолжал стоять в той же позе и смотреть на лежавшую на полу Злату. Рыжая была еще жива, но под ней быстро расплзалась вязкая лужа крови, а пробитое легкое не давало сделать вдох. Наконец Фенрир шагнул к своей поверженной девушке и еле слышно прошептал:

— Зачем?

Из сверкающих ярко-изумрудных глаз к вискам скользили слезы. Бледные губы Златы дернулись, будто она хотела ответить Андрею, но бунтарский взгляд внезапно потух, а изо рта потекла кровь.

— Что здесь... — уложив раненого Морока на пол, Макс вскочил и непонимающе посмотрел на присутствующих. — Кто стрелял? Почему твоя... Господи...

ЭММА РАЙЦ

Фенрира словно подкосило. Упав на колени прямо в алуу лужу, он несколько секунд дрожащими пальцами перебирал блестящие медные пружинки локонов Златы, потом коснулся ее приоткрытых губ и, издав утробный, полный дикой боли стон, опустил ее тонкие веки. Уткнувшись лбом в неподвижную грудь рьжей, Андрей судорожно втянул ртом воздух, но его солнечное сплетение будто под завязку забили осколками стекла, а сердце подвергли шоковой заморозке, лишив малейшего шанса шевельнуться. Он беспомощно сминал в кулаке край ее футболки, все сильнее пачкаясь в крови и отчаянно покачиваясь. В нос бил пьянящий запах сладковатой туалетной воды, а нежная кожа под пальцами была обнадеживающе теплой, но оставалась лишь безжизненным миражом.

— ...Моцарт сам требовал, чтобы я приехал! Чего за... Ого... — хриплый голос Черномора оборвался, когда он стремительной походкой шагнул в кабинет и замер при виде странной сцены.

— Что случилось? — Сатир, забыв о своей манере обличать в сарказм все вокруг, тоже завис.

Позади мужчин быстро увеличивалась толпа «фениксов», услышавших выстрелы.

— Денис! — Лера очнулась и, глотая слезы, метнулась к Мороку. — Пожалуйста, нет... — дрожащими ладонями она водила по его лицу, не понимая, как все так стремительно случилось. — В госпиталь... Нужно срочно отвезти его! Нет!!! Вертолет! Максим! Слышишь?!

Но Давыдов-старший в это мгновение постепенно осознал цепь событий и оторопело смотрел на сына, не слыша никого вокруг.

— Так вы ее все-таки того?... — Матвей растерянно провел ладонью по шее. — Или что... Кто-нибудь, объясните.

— Козьявка, — пробормотал Морок. — Что-то мне... нехорошо... Она в меня выстре... — серо-синие глаза закатились.

— Денис!!! Нет!!!

— Вертолет готов. Херли вы тут топчетесь?! Ну-ка разошлись, гоблины, мать вашу! — грозно рыча, Ларионов пробрался в кабинет. — Хорошо тупить! Каждая минута на счету! Быстро-быстро!!! — он пихнул в спины Черномора, Сатира и еще парочку парней. — Взяли и вперед!

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

— Денис... Не надо... Только не ты... — Лера, скинув с ног шпильки, аккуратно придерживала его голову на пути к лифту. — Не смей... Не смей меня бросать!!!

— Лерыч, не ори, — процедил Костя. — Рана по касательной.

— Откуда ты знаешь?!

— Иначе бы черепушку к херам разнесло, — кивнул Григорьев. — У него сосуды задеты. Мясо. Ну, может, треснуло малость. Не мертвый он.

— Заткнулись все! — рявкнул Один.

Поднявшись на крышу, они торопливо двинулись в сторону вертолета.

— Я с ним... — Лера уже занесла босую ногу, но Черномор поймал ее за локоть:

— Нет. Нас ждут.

— Плевать!!!

— Лера, в себя приди!!! — Он дернул ее вниз. — Тебе проблем мало?! Федотов их с легкостью добавит!

— Я не могу... Я...

— Я полечу. — Сатир забрался внутрь. — Буду держать вас в курсе. Катитесь в Министерство.

— Нормально все с ним будет. Поехали.

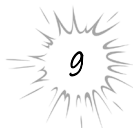
Черный вертолет легко оттолкнулся от крыши и невесомой пушинкой взмыл в небо. Волосы Леры разметались от мощных потоков воздуха. Не отрывая взгляда от стальной птицы, она глотала слезы, ощущая, как на обеих ладонях, стягивая кожу, засыхает кровь Морока.

— Сынок, — Макс присел рядом с Андреем и приобнял за плечи. — Как так вышло?

— Она пришла отомстить, — мертвым голосом ответил Фенрир. — Она дочь Падре... И я думал, что переломил ее ненависть. Но я ошибся...

Давыдова-старшего разрывали на части желание узнать историю целиком и отцовское сочувствие к сыну, сделавшему ужасный, но правильный выбор. Решив, что первое ждет, он убрал пистолет Андрея подальше и помог ему сесть, а сам

ЭММА РАЙЦ

накрыл тело Златы принесенным кем-то из парней большим черным пакетом.

— Ты сильно любил ее?

Фенрир горько скривился и молча достал из кармана джинсов кольцо. Макс узнал украшение матери, и его перевернуло от осознания масштаба беды.

— Даже так...

Запрокинув голову, Андрей бессмысленно уставился в потолок, но откуда-то из мутных полузабытых мыслей вдруг всплыли слова Леры, ставшие для него пророчеством. Или проклятием.

«Ты разучишься дышать, улыбаться и спокойно спать по ночам. Ты почувствуешь себя живым лишь наполовину. Ты будешь каждый день искать ее в толпе. Тебе всюду будет мерещиться ее голос, запах, силуэт. И вся твоя жизнь превратится в нескончаемую пытку воспоминаниями, обрывками снов и ненавистью к себе за то, что ты жив, а она — нет...»

— Теперь я настоящий «феникс»?

— Что? — Макс заметил входящий звонок и с сомнением сбросил его.

— Вы же все прокляты в своем одиночестве. Теперь и я?

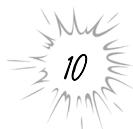
— Что за глупости? Мы не прокляты.

Морщась от боли в плече, трясущимися руками Фенрир достал пачку сигарет, кое-как выудил одну, выронив за ней еще парочку, потом долго сражался с зажигалкой. Давыдов-старший хотел было сказать, что в аудитории сработает пожарная сигнализация, но потом смиренно махнул рукой и выключил датчики. Комната наполнялась тошнотворным коктейлем из запахов крови, гари и табака, но ни отец, ни сын даже не поморщились.

К потолку, плавно извиваясь, поднимался белесый дым. Андрей рассматривал его, не замечая, как по щекам потекли слезы. Джинсы на коленях задубели, и он бессмысленно ковырял их коротким ногтем.

— Я сказал ей «люблю тебя», а через десять минут застрелил.

— Андрей... Она же, получается, предала тебя. Или еще хуже — использовала. Возможно, ваши чувства вообще не были взаимны... — Макс с трудом подбирал слова поддержки, а сказанное в итоге казалось ему еще бóльшим бредом, чем то, что вертелось в голове.

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

— Угу. От этого не легче.

— И не будет, Андрей. Вряд ли существует что-то, что могло бы унять твою душевную боль прямо сейчас.

— Ну почему же? — Фенрир шмыгнул носом и закурил вторую.

— Сколько бы ты ни напивался, похмелье раз за разом будет возвращать тебя в исходную точку. А за наркоту пришибу. Не смей в это скатываться. Пройдет время, и ты воскреснешь, обещаю.

— А хочу ли я вообще?

— А почему нет? — настрой сына откровенно пугал Макса.

— Я все равно никому на хрен не уперся со своей блудской любовью.

— Не говори так. Однажды ты обязательно встретишь ту самую.

— Чушь. Не существует никаких «тех самых».

Давыдов-старший в очередной раз сбросил звонок и присел напротив Андрея:

— Дай себе время. Ну... Хочешь, сгоняем в Париж, когда все закончится? Развеешься, отвлечешься. Или давай найдем хорошего психолога.

Фенрир молча качнул головой и вперился пустым взглядом в накрытое полиэтиленом тело. Макс растер ладонями затылок. В дверном проеме показался Черномор:

— Давыдов, нам пора. Моцарт рвет и мечет...

— Знаю...

— Да. Езжай, — тихо проговорил Андрей.

— Дождись меня. Пусть в медпункте осмотрят ранение и дадут тебе порцию снотворного. Я, скорее всего, вернусь только утром, и мы подумаем, что делать дальше. Договорились?

— Ладно... — Фенрир нехотя встал.

Матвей хмуро рассматривал своего несостоявшегося «юнгю», и в его взгляде не было ни капли насмешки.

— Теперь бы я, наверное, вам больше подошел...

— Тебе это не нужно.

— В смысле? А как же весь тот бред про мертвый взгляд и «нечего терять»?

— Все так. Но потенциальные самоубийцы в отряде не к добру.

ЭММА РАЙЦ

Фенрир раздраженно цокнул языком и едко скривился:

— Короче, вам хер угодить.

— Приходи через год.

— Вообще-то я все слышу, — буркнул Макс. — Никаких отрядов ни сейчас, ни через год.

— Я сам решу, — отозвался Андрей.

Но отец внезапно с силой дернул его за здоровое плечо и припечатал спиной в стену:

— Если ты думаешь, что я позволю тебе потупому сломать свою жизнь из-за рыжей стервы, которая использовала тебя, то спешу расстроить. Этому не бывать! А ты, — Макс зло зыркнул на Матвея, — попробуй еще хоть раз заикнуться. Пожалеешь.

— Не рычи, папуль. Нет значит, нет. — Черномор примирительно вскинул ладони.

— Андрюх? — Илья неуверенно заглянул в комнату отдыха.

— Я в порядке, — Фенрир сидел на краю кушетки и перебирал пальцами две таблетки снотворного.

Шаман с сомнением сморщил нос, но спорить не стал и просто опустился рядом, протянув другу бутылку воды.

— Слушай...

— Давай без этого, ладно? — Давыдов-младший агрессивно отмахнулся.

Архипов тяжело вздохнул:

— Я хотел тебя поддержать... Правда, не знаю, как и чем.

— Хочешь поддержать? Закажи мне пару баб, когда вся эта херня закончится.

— Как скажешь. Что-нибудь еще? Можем напиться или...

Равнодушно пожав плечами, Андрей закинул в рот таблетки, запил их и отрешенно уставился на Илью:

— Ты ведь до сегодняшнего дня никого не убивал? Как впечатления?

— Правда хочешь поговорить об этом? — Шаман недоверчиво вскинул бровь над глазным имплантом. — Впечатления так себе. Надеюсь, больше не придется...

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

Фенрир почувствовал дурацкое жжение в глазах, в неизвестно какой по счету раз прослезился и тут же растер влагу пальцами по лицу.

— Андрюх, давай напьемся. Саида третьим позовем, запремся у тебя с ящиком вискаря и полным холодильником жратвы.

— Поинка тебя убьет.

— Не убьет. Она все понимает.

— Везет...

Лера сидела в бронированном фургоне в обнимку с туфлями и, уставившись в пустоту, покачивалась из стороны в сторону. Макс, упершись локтями в колени, обхватил голову ладонями и молчал. Черномор зло покусывал губы и грубо царапал ногтями черную с легкой проседью щетину на щеках и подбородке.

— Трое в лодке, не считая Морока.

— Заткнись.

— Лерчик, обуйся уже и прекрати немую истерику. Поправится твой язычник, никуда не денется.

Пики разъяренно зыркнула на Матвея, но руки с зажатыми в них шпильками сами потянулись к голым ступням.

— Да уж. — Охотник медленно выпрямился и посмотрел в окно. — Подыхать — так с музыкой...

— Хорошо, блин. Сегодня больше никто подыхать не собирается. А рыжую нужно было прикончить еще зимой.

Макс многозначительно откашлялся:

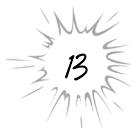
— Что это значит? Кто она вообще такая? И как, будучи дочерью врага, оказалась в сердце «Феникса» и в постели моего сына?

— Э... Хочешь сказать, ты не в курсе? — Григорьев поперхнулся от удивления и в свою очередь глянул на Леру. — Мамуль, ты не сбрендила часом?

— Ты знала?! — Макс бешено трясушимися руками отстегнул ремень безопасности. — Знала и молчала?! А Дэн?!

— Тоже не знал...

— Как это понимать? Или ты намеренно диверсию готовила? Лера!!!

ЭММА РАЙЦ

Пики от каждого следующего вопроса сжималась все сильнее, словно ждала, что Макс вот-вот ударит ее. Лицо ее было мертвенно-бледным, только рассечение на щеке темнело продолговатым синяком.

— Отвечай, идиотка! Андрей на этой рыжей дряни чуть не женился! А у нас никто ни сном, ни духом! — Давыдов-старший не удержался и пнул ботинком Леру в щиколотку. — Ты со своей гениальностью вконец охуела!

— Эй! — Черномор ударил его в плечо. — Хорош!

— Он тебе тоже ничего не говорил, — прошелестел безжизненный голос Пики.

— Потому что он дебил! Но ты?! Ты видишь, к чему все привело?! Стоило того?! Или у тебя друзей с избытком?! Плюс-минус один — похер?!

— Хватит орать! — рыкнул Матвей. — Твой сын сам вступился за эту суку. Поручился за нее! И сам в итоге поставил точку. Дело сделано.

— А ты откуда такой дохера осведомленный?!

Черномор вопросительно кивнул Лере, и та еле заметно дернула плечом:

— Расскажи ему.

В коридорах Министерства обороны воздух казался таким тяжелым и плотным, что вдохнуть его получалось с трудом, зато легко можно было резать ножом. Зайдя внутрь, Лера процентов на девяносто была уверена, что наружу ее выведут в наручниках. Матвей, чуть прихрамывая, шагал рядом и раздраженно сопел. Макс шел позади в глубокой задумчивости после услышанной истории о юной мстительнице, погоне по ЦарьБашне, допросе в подвале Черномора и спорном решении использовать запрещенный во всем мире «кукловод».

— Где Морозов? — лязгнул Моцарт при виде троицы.

— Ранен. В военном госпитале, — коротко ответила Лера.

— Что за чушь?! Час назад был здоров!

— Позвоните туда и сами узнаете. Нам нет смысла вас обманывать...

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

— Сомнительное утверждение, — Федотов, заметив на одежде Леры и Матвея кровавые разводы, нахмурился еще сильнее. — Это что?

— Опять я должен рассказывать? — Черномор негодуяще скрестил руки на груди. — Меня в момент стрельбы там даже не было.

— Можно воды? — голос Леры прозвучал хрипло и совсем слабо.

— Может, тебе еще и капучино на кокосовом подать?! — угрожающе вскинулся Федотов.

Григорьев не выдержал и прикрыл Пики, пихнув ее себе за спину:

— Так, господа крикуны, давайте вернемся к цивилизованному общению. Мир в безопасности. Мы явились по требованию и готовы все рассказать. Каждый — свой кусок событий. Заодно предлагаю вспомнить, что мы мужчины. И вести себя должны по-мужски. А Лерчик полдня в плену у какого-то шизика проторчала.

Моцарт бешено скрипнул зубами:

— Я вас всех одним звонком могу уничтожить.

— Можешь! Можешь, дорогой! А смысл? Давай сядем, выпьем водички и пообщаемся. У нас вся ночь впереди. Чего горячиться?

— Григорьев!

— Что?

Махнув ладонью, Федотов стащил с себя пиджак, стянул душивший его галстук и устало рухнул в рабочее кресло:

— Вода в кулере. У вас на все про все — два часа. И да, дражайшая Валерия, я бы хотел услышать обоснование твоим обвинениям в отношении... экхэм... Ефимова.

Лера взяла с небольшого столика стакан, сжала его обеими ладонями, попытаясь успокоить дрожь, и зажмурилась. Черномор, снисходительно усмехнувшись, забрал у нее стекло, мягко пихнул в направлении стула и сам набрал воду. Замешкавшись на секунду, он все выпил, потом снова сунул стакан в кулер и наконец-то отдал его Пики. Она сделала пару глотков, с трудом втянула носом воздух и начала рассказ с момента первого нападения Златы.

ВЕЩИЙ СОН

— **В** подтверждение своих слов могу предоставить запись с камеры, — спустя час безостановочного рассказа, прерванного лишь уточняющими вопросами Федотова и несколькими глотками воды, Лера говорила хрипло и часто откашливалась.

— Ты записывала все на камеру? И ее на тебе никто не обнаружил? — Моцарт с недоверием сжал губы.

— Еще одна экспериментальная модель с моего производства. Благодаря запатентованному полимеру, из которого состоит корпус камеры, обычные сканеры не реагируют, — Пики протянула Моцарту пуговицу или то, что было на нее похоже.

— Чего? У Лерки есть какое-то производство? — шепнул Матвей Давыдовустаршему.

— Без понятия, — процедил тот, все еще испытывая дикую злость на Леру и ее секреты.

Федотов взвесил пуговицу на ладони, сжал в пальцах и пригляделся к поверхности, приблизив к свету настольной лампы:

— И как посмотреть запись?

— А... Да, — Лера встрепенулась и подняла с пола сумку. — Переходник. Запись с момента приезда на похороны президента и до возвращения в «Феникс». Мой рассказ сейчас мог быть немного нескладным или не совсем последовательным, но запись подтвердит слова. Копия сохранена на облаке.

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

— Предусмотрительно, — буркнул Федотов. — Что еще?
— Еще есть ноутбу... — Лера дернулась, почувствовав вибрацию Тетрафона, и, забыв обо всем, полезла проверить, кто и что ей написал.

Дэна прооперировали. Лежит в реанимации. Все ОК!

Сообщение от Сатира заставило ее облегченно застонать.

— Что там? — Моцарт недовольно постукивал пальцами по столу.

— Все хорошо. Денису сделали операцию.

— Я ж говорил, — громко зевнул Матвей. — Давайте дальше, спать охота до чертиков.

Федотов угрожающе прищурился, но Лера, ощутившая внезапный прилив сил, достала ноутбук Зигзага и, несмотря на севшее горло, быстро заговорила:

— Это принадлежало хозяину «Квантума». Если ваши спецсы как следует поковыряются, то найдут много интересного. Заодно пойдем, какие у нас слабые точки в системах.

В кабинете повисло тяжелое молчание. Лера чутко следила за эмоциями на лице Моцарта, но тот, как и всегда, умело держал их под жестким контролем. Лишь малейшие неосознанные движения мышц на лбу и в уголках рта давали понять: пожилой куратор частных военных отрядов был занят сложным мыслительным процессом. Спустя несколько минут Черномор снова звучно зевнул и шумно заерзал на стуле. Федотов мрачно качнул головой и откинулся на спинку кресла:

— Думаешь, эта ваша рыжая девчонка была как-то связана с хакером?

Леру подобная мысль внезапно ошеломила, но она тоже постаралась не показать этого, пожав плечами:

— Не знаю. Вряд ли. Но все возможно...

— Это будет полный финиш, — буркнул Макс.

На него смотреть Пики до сих пор не решалась. Съедаемая острым чувством вины, она физически ощущала в виске просверленную его взглядом дыру.

— Короче, — подал голос Матвей. — Я тихонечко сидел в своем подземном царстве, когда мне позвонил Дэн с просьбой заглянуть на лучшую вечеринку года...

ЭММА РАЙЦ

В отличие от Леры Черномор рассказывал свою часть истории, щедро приправляя ее юмором и бранью. В какой-то момент он даже начал жестикулировать, словно только приехал из Италии. А когда дело дошло до смертельного боя с Чумой, вскочил со стула и уперся кулаками в стол Моцарта.

Лера, слушая Черномора, допила воду и, собрав остатки смелости, повернула голову. Макс сидел неподвижно, скрестив руки на груди и нахмутив брови: черты его лица выделялись непривычной жесткостью, будто кто-то зло водил карандашом по бумаге, пока грифель не сломался. И только игравшие под кожей желваки выдавали всю силу его гнева.

Пики кольнуло ядовито-горькое чувство вины, и все с трудом подобранные в мыслях оправдания затрещали, рассыпаясь на мелкие осколки. В этот раз именно она ошиблась. Фатально. И, возможно, непростительно.

— ...а потом он сожалеет, что я не схох зимой! — рык Матвея заставил Леру вздрогнуть и очнуться от мыслей.

Григорьев с размаху ударил по столу ладонью, под которой оказалась небольшая флешка.

— Я без пуговичек, думаю, сами разберетесь. Вырезал кусок предсмертного допроса этого упырка. Жажду пояснений насчет подмены данных, из-за которой половину моих пацанов покروшили, — и, демонстративно откашлявшись, Черномор уселся с весьма оскорбленным видом, в отличие от поникшей Леры, больше походившей на виновную во всех бедах человечества преступницу.

— Ну и? — убрав флешку в стол, Федотов устало воззрился на Макса. — Что поведает бравый Охотник? Может, тоже чегонибудь интересного на дискетке подготовил?

Однако Давыдов-старший не отреагировал на колкость и без эмоций, даже монотонно, но крайне емко описал события прошедшего дня с момента, как ему пришлось сообщить с метки водителя Леры и до стрельбы в «Фениксе».

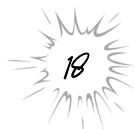
— И где сейчас твой отпрыск?

— Остался в офисе.

— Умеете вы себе приключений поймать на задницу, — Моцарт сжал пальцами переносицу и тяжело вздохнул. — Из города ни ногой. Все трое. И Морозов вместе с вами.

— Куда он из больницы...

— Я не закончил!

РАЗРУШИТЕЛЬ ПРОКЛЯТИЙ

Лера снова вздрогнула и еще сильнее сжалась. Телефон на столе Федотова противно заверещал резким переливом высоких нот, и все поморщились, будто от зубной боли.

— Слушаю. — Куратор молча обвел взглядом присутствующих и замер, опустив глаза на раскрытый перед ним рабочий ноутбук в противоударном корпусе. Минуты сменяли друг друга, из трубки еле слышно шелестел чей-то голос, но разобрать смысл сказанного было невозможно. Федотов несколько раз напряженно сглотнул, и Пики неосознанно следила за движениями его кадыка по линии гортани. — Ясно. Будет сделано.

Макс и Матвей с подозрением переглянулись. Моцарт тщательно откашлялся, расправил затекшие плечи, дольше необходимого рассматривал циферблат наградных часов на левом запястье, потом снова вздохнул и прервал молчание:

— Ефимов экстренно доставлен в госпиталь. Подозрение на отравление химическим веществом. Вы все! Ни на шаг из Москвы. Узнаю — пожалеете. По следующему звонку должны явиться в течение часа. И ни минутой позже! В противном случае — закопаю живьем. Ясно?

Лера кивнула. Мужчины согласно пожали плечами.

— Рассказы ваши, конечно, складные и логичные. Но если вы вдруг вздумали устроить заговор против...

— Ага, столько лет оттарабанить во славу...

— Григорьев!

— ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА! — гаркнул Черномор поперек слов Федотова. — А потом без суда и следствия головы лишиться из-за каких-то левых мудозвонов! Супер! Всегда мечтал!

— Идите, — сдался Моцарт. — Без вас хлопот через край.

— Здесь запрещено курить, — резко произнес начальник караула, когда, выйдя на ночной прохладный воздух, Черномор с диким наслаждением затянулся сигаретой.

Раздраженно выгнув брови, он уставился на мужчину в форме и демонстративно качнул пальцами, будто отмахиваясь от назойливого комара:

— Отвали, мальчик.

ЭММА РАЙЦ

Караульный был ниже Матвея на полголовы и уступал в комплекции, поэтому примирительно ответил:

— На десять метров отойдите и дымите в свое удовольствие.

— Мне нужно в госпиталь, — еле слышно отозвалась Лера.

— Такси вызовешь, — процедил Макс.

Пики судорожно выдохнула и с трудом сжала дрожащие пальцы в кулаки. Липкое, словно сахарный сироп, чувство вины мешало ей нормально двигаться и стягивало диафрагму тугой леской, не давая говорить привычным голосом. Все, что удалось из себя выдавить, прозвучало жалко и сипло:

— Максим, я виновата. Я совершила ошибку и признаю это. И прошу прощения, — на самом деле на языке крутились совсем другие слова, более весомые и уместные, но Лера чувствовала такую свинцовую усталость, что боялась ненароком упасть в обморок, поэтому говорила односложно и сухо.

Дойдя до «Ауруса», Макс нехотя обернулся и уставился на Пику сверху вниз. На мгновение ему показалось, что она уменьшилась в росте и вообще вся словно высохла. Во взгляде не осталось ни привычной железной уверенности в себе, ни саркастичной надменности, ни ироничной насмешки. Лера стояла перед ним, устало сцепив пальцы рук, открытая для удара, без своей брони и даже не пыталась защищаться.

— Я сейчас не готов с тобой разговаривать, — Охотник дернул подбородком и потянулся к ручке двери. — Пока не решу остальные проблемы.

— А потом?

— А потом посмотрим.

И внезапно последнее слово, врезавшееся в сознание Леры ржавым ножом, придало ей сил:

— Когда тебе нужно было, ты из меня всю душу вытряс и добился своего.

— Чего?!

Но Перовская уже выпрямила спину и, развернувшись на каблуках, достала из сумки смартфон, чтобы действительно вызвать такси.

Черномор, все это время наблюдавший за товарищами, открыл было рот для остроумного комментария, но в итоге промолчал, чтобы не усугубить ситуацию. Макс сверлил взглядом